

Глава 53. Поцеловал и забыл — вот это номер

Цзян Тан: ???

Спутник... спутник Дао?!

Он замахал руками без остановки, и голос у него от паники заметно задрожал:

— Н-нет.

Чем сильнее он торопился, тем труднее было сложить в голове слова, так что он долго мялся и заикался, сам не зная, как толком объясниться.

Спасите, ну как эта хозяйка лавки может вот так с ходу ляпнуть про какого-то спутника Дао! Разве о таких отношениях можно говорить наобум?!

Он не удержался и украдкой посмотрел на Фу Линцзюня. Ы-ы, великий босс ведь не рассердится?

К счастью, Фу Линцзюня слова хозяйки нисколько не задели. Он лишь чуть приподнял подбородок, давая понять, чтобы та лучше рассказала про обувь в лавке.

Пылкая, как огонь, хозяйка тут же вспорхнула к ним, словно цветастая бабочка, и бойко защебетала:

— Даос, вы как нельзя вовремя пришли! В прошлый раз вы ведь выбрали длинный лазурный халат с узором из светлой серебристой чешуи цзяо? У меня как раз недавно появились сапоги в том же цвете и совершенно невесомые на ноге. Может, пусть этот молодой господин примерит?

И, не дожидаясь ответа Фу Линцзюня, она уже проворно метнулась за прилавок, бережно достала оттуда две пары и протянула их Цзян Тану:

— Молодой господин, присядьте-ка сюда и примерьте. Какой у вас размер ноги?

Вот этот вопрос и поставил Цзян Тана в тупик. Размеры обуви в его мире и здесь наверняка были разными, да и тело теперь у него другое, так что он просто не знал, что ответить.

Впрочем, отвечать и не понадобилось. Радужная хозяйка уже усадила его на мягкий стул, всучила сапоги и с улыбкой завела светскую беседу:

— Ваш спутник Дао и правда вас балует. Как вы познакомились? Ах, какая же это, должно быть, судьба — я прямо завидую!

— Я ещё в прошлый раз его запомнила! Одежду он тогда набрал штук двадцать с лишним, всё подошло? Всё ведь выбирал у нас самое-самое красивое! Если что не по размеру — приносите, обменяем, не стесняйтесь!

— У нас в области Цянькунь лавка самая честная, это вам кто угодно скажет. Если потом с одеждой или обувью что-то будет не так сразу идите ко мне! У нашей лавки и с другими материками есть торговля, так что и фасоны, и качество у нас первосортные. Каждый месяц новые вещи появляются, так что приходите потом вместе со своим спутником Дао!

Хозяйка тараторила так быстро и густо, а в одной фразе успевала сменить по три-четыре темы,

что для языковой системы Цзян Тана, которая и так работала неидеально, это было всё равно что сидеть на аудировании для восьмого уровня английского после пробного на четвёртый — причём запись прокрутили бы только один раз.

Он только-только собрался возразить на её бесконечное «спутник Дао», как его уже оглушила следующая новость: оказывается, Фу Линцзюнь когда-то заходил сюда и купил больше двадцати комплектов одежды. От шока он попросту пропустил мимо ушей очередное «спутник Дао».

Когда вообще это было? Почему Фу Линцзюнь вдруг пришёл и накупил столько одежды? Он не то что сюжет не догонял — создавалось ощущение, будто великий босс уже успел пройти на несколько сцен больше, чем он.

Впрочем, ещё раньше Цзян Тан смутно чувствовал, что тут что-то не сходится.

После того как он стал человеком, одежда, которую дал ему Фу Линцзюнь, сидела на нём по размеру. А между ними ведь была заметная разница в росте: стоило Цзян Тану встать за спиной Фу Линцзюня — и он почти целиком скрывался за ним. Конечно, Цзян Тан отказывался признавать, что дело в его росте: это просто Фу Линцзюнь был слишком высокий! Но как ни крути, в жемчужине Нахай у Фу Линцзюня не могло случайно валяться столько маленькой одежды.

И одежда эта была очень красивой. Например, в тот раз, когда он очнулся на утёсе Жисы, Фу Линцзюнь дал ему чисто-белое одеяние — сложное, не слишком удобное, из трёх или четырёх слоёв, с тончайшей серебряной вышивкой облачных узоров на вороте и рукавах. Ткань была гладкой, мягкой и едва мерцала.

Или одежда, которую он нашёл утром у подушки сегодня: уже не такая мудрёная, как в прошлый раз, — простая нижняя рубаша и верхняя накидка. Белое исподнее, светло-лиловый верх, а по ткани вышиты журавли. Прямо-таки веяло бессмертной утончённостью.

Совсем не похоже было, что это ему выдали наспех, лишь бы прикрыть.

Неужели это был уже не первый раз, когда он превращался в человека? Может, однажды, пока он сам ничего не помнил, он вдруг стал человеком и оказался голым, и тогда великий босс побежал покупать ему одежду?

Похоже, только так всё и объяснялось. Иначе он действительно не понимал, почему в жемчужине Нахай у Фу Линцзюня нашлась одежда ему впору.

Да и вообще, если твоя собственная собака в один прекрасный день вдруг превращается в человека, а ты даже бровью не ведёшь — это тоже странно. Наверняка Фу Линцзюнь уже давно всё успел презрительно пережить, вот и не удивился.

Хозяйка одновременно говорила и двигалась, а Цзян Тан всё это время лихорадочно размышлял, так что сам не заметил, как сунул ноги в предложенные сапоги.

И размер неожиданно оказался в самый раз.

Пусть хозяйка и явно старалась продать побольше, сапоги и правда были очень удобные — подошва мягкая, ногу нигде не тёрло.

Послушно пройдясь по лавке туда-сюда, Цзян Тан мысленно прокрутил свой вопрос десятки

раз и наконец тихо спросил:

— А когда... он покупал одежду?

— Это было как раз несколько дн...

Хозяйка только начала, как вдруг осеклась. Не пойми откуда её пробрал холодок снизу вверх. Скосив глаза, она увидела, что богатый клиент смотрит на неё с лицом чернее дна котла.

Повидавшая многое, но очень дорожившая и жизнью, и деньгами хозяйка тут же задрожала и благоразумно закрыла рот.

И правда, история о том, как люди проснулись после одной ночи и даже не могут разобраться, мужчина у их спутника Дао или женщина, звучала как-то уж слишком позорно. Лучше такое не озвучивать.

Она натянула улыбку и насильно сменила тему:

— Ну как, удобно? Если что-то не так — у меня есть и другие размеры, всё можно примерить! И фасонов ещё полно, может, посмотрите? Подождите минутку, как раз есть одна пара под вашу сегодняшнюю одежду!

Сказав это, она улетучилась почти бегом.

Цзян Тан: «...» Почему эта хозяйка молчит именно о том, о чём надо, а обо всём лишнем готова рассказывать без конца?!

Но даже если она ничего так и не сказала, Цзян Тан примерно догадывался, когда это произошло. Либо после того, как Фу Линцзюнь купил в Павильоне Гор и Морей тот красивый цветок и скормил его ему, либо после того, как вошёл в сон и спас его.

Оба раза он просыпался после сна, а Фу Линцзюнь внезапно начинал вести себя так, будто терпеть его не может, — даже на руки лишний раз не брал.

Раньше у него не было объяснения, за что вдруг началась такая холодность, но теперь всё стало ясно. Похоже, великому боссу и правда не нравилось, когда он превращался в человека. К счастью, как ответственный хозяин питомца, он всё равно не собирался его бросать, во что бы этот питомец ни превратился, — ещё и безропотно пошёл покупать ему одежду и обувь.

Ни на что не годный, кроме еды, Цзян Тан решил начать новую жизнь. Отныне — не пять приёмов пищи в день, а три. Всё, что сможет сделать сам, не станет сваливать на Фу Линцзюня. Надо было как следует освоить поведение в этом человеческом теле и отчаянно фармить благосклонность.

Когда хозяйка вернулась, держа в руках ещё одну красивую пару — уже лиловую, — в Цзян Тане внезапно проснулся дух экономии.

— Достаточно... одной пары, — ткнул он пальцем в сапоги у себя на ногах.

— А? — хозяйка взглянула сперва на Цзян Тана, потом на Фу Линцзюня. Раз уж платит один — его и надо уговаривать. Потому она терпеливо принялась объяснять: — Но к одежде этот цвет не подойдёт! Ваш наряд называется «Лиловая дымка», под него как раз вот эта пара смотрится лучше. Я ещё помню несколько комплектов, что вы раньше брали, и сразу подберу обувь и к

ним...

Похоже, она уже собиралась снова пуститься в бесконечную тираду.

Фу Линцзюнь же, наоборот, остался вполне доволен тем, что она подобрала, и велел упаковать всё вместе.

Хозяйка, предвкушая крупную выручку, так обрадовалась, что глаза у неё превратились в щёлочки. Она ловко вынесла ещё с десятков пар и ровно выставила их на прилавке.

— Даос, пара на молодом господине немного подороже — триста пятьдесят духовных камней. Ещё вот эти сапоги к тому лазурному халату с узором из серебряной чешуи цзяо тоже недешёвые — пятьсот духовных камней... И вот эти тоже...

Щёлкая костяшками счётов и уже не испытывая ни тени тревоги перед таким богатым клиентом, она быстро подсчитала всё и назвала цену:

— Итого одиннадцать пар — три тысячи шестьсот духовных камней.

Она с лёгким ожиданием смотрела, как этот покупатель с мрачным лицом достанет четыре высокоранговых духовных камня, положит их перед ней и скажет, что сдачи не надо. Если вычтёт закупочную цену, за одно только это утро... нет, за этот вечер она заработает две тысячи камней!

Ох уж эта проклятая, сладостная любовь.

Фу Линцзюнь и правда вынул из жемчужины Нахай четыре высокоранговых духовных камня и положил их на прилавок, а все покупки убрал к себе. Уже собирался уходить, как вдруг кто-то потянул его за край одежды.

— Подожди.

Огромные, как у котёнка, глаза юноши уставились на четыре камня на прилавке.

— Мы много... покупаем. Сделайте дешевле.

Хозяйка посмотрела на того, кто платит, потом на серьёзного молодого господина и нерешительно сказала:

— Эм... понимаете, у нас всё только высшего качества, и цена...

— Дешевле, — у Цзян Тана вдруг удивительным образом включилась система построения фраз для торга. Он очень чётко изложил своё желание: — Иначе... ничего не купим.

Хозяйка, уже предвкушавшая жирную прибыль: !!!

Как это — не купим?!

Даже если брать по максимуму, закупка этих сапог обошлась ей меньше чем в две тысячи духовных камней. Уступить немного — всё равно остаться в плюсе. К тому же такого клиента хорошо бы удержать, чтобы он ещё пришёл позже. Необязательно срывать всё за раз.

— Ладно-ладно, сделаю двадцать процентов скидки — считайте, что ради знакомства, почти без наценки, — две тысячи восемьсот восемьдесят духовных камней. Заходите ещё!

Судя по опыту торга, если сначала называют три тысячи шестьсот, себестоимость наверняка где-то тысяча восемьсот. Но и лавке нужно дать заработать: за аренду такой большой мастерской одежды в области Цянькунь наверняка дерут немало. Поэтому Цзян Тан очень уверенно сказал:

— Уберите... хвостик. Две тысячи пятьсот.

Этот самый «хвостик» составлял триста восемьдесят духовных камней.

Улыбка у хозяйки заметно сникла. В убыток она не уходила, несколько сотен камней всё равно зарабатывала, но что-то всё пошло совсем не так, как рисовалось у неё в голове.

Белая мягкая ладонь юноши уже потянулась к прилавку и забрала лишний высокоранговый камень. На неё взглянули большие влажные глаза:

— Сдачу.

Хозяйка, у которой сорвалась мечта сорвать большой куш: «...»

Она молча отсчитала деньги.

Цзян Тан остался чрезвычайно доволен. Прижимая к груди возвращённые пятьсот низкоранговых духовных камней и сэкономленный высокоранговый камень, он сладко улыбнулся хозяйке:

— До свидания.

На повороте он так сосредоточился на деньгах в объятиях, что не посмотрел под ноги и чуть не споткнулся. Его тут же подхватили сильные руки, придержали за талию, и он невольно качнулся ближе к груди Фу Линцзюня.

Хозяйка прищурилась.

Хм, от этой парочки прямо разило любовью.

Жар ладони Фу Линцзюня сквозь тонкую ткань мгновенно передался ему в талию. Цзян Тан почувствовал, будто то место вот-вот загорится. Неловко напрягшись всем телом, он вырвался из почти-объятия и чуть ли не бегом отскочил вперёд.

Пробежав пару шагов, он обернулся и всучил Фу Линцзюню всю сдачу. Движение вышло таким неуклюжим, будто он только и боялся коснуться его ладони. Отдал — и сразу убежал.

Он явно избегал двусмысленности.

Фу Линцзюнь слегка нахмурился.

Убрав духовные камни, он догнал шагавшего впереди Цзян Тана, и дальше они пошли плечом к плечу.

Небо уже начинало темнеть.

Обед у них и без того вышел долгим, потом они ещё провозились с покупкой такого количества обуви, и к тому времени, как вышли на улицу, по небу уже разлился яркий закат.

Оранжевые, алые, золотые, лиловые — пласты вечерних облаков накрыли весь небосвод, словно огромную картину. Их мягкий багряный свет ложился на людей тонкой красивой вуалью.

Фу Линцзюнь знал, что Цзян Тан ест пять раз в день. Обед был давно, сейчас уже вечер — значит, он наверняка успел проголодаться. Потому он протянул руку, чтобы взять его за ладонь.

Но маленькая ладонь оказалась скользкой, как вьюн: шу-ух — и тут же выскользнула.

— Что... случилось? — Цзян Тан тревожно прикусил губу и сам сделал шаг подальше от Фу Линцзюня.

Лицо у Фу Линцзюня стало холодным, как кусок льда, много лет пролежавший в морозе. От него так и тянуло стужей, но сам он ничего не сказал.

Цзян Тан втянул голову в плечи и отодвинулся ещё немного.

Постепенно закатные облака угасли, и небо полностью заняла ночь. Тьму озарили красивые стеклянные фонари-карусели. Народу на улице становилось всё больше; в толпе они то и дело нечаянно задевали друг друга плечами, и каждый раз Фу Линцзюнь чувствовал, как идущий рядом юноша старается ещё сильнее держаться в стороне и не приближаться к нему.

Эти постоянные, повторяющиеся попытки отстраниться разожгли в нём непонятный гнев. Он протянул руку и схватил Цзян Тана за ладонь. Тот инстинктивно хотел отдернуть руку, но перед абсолютной силой сопротивляться было бессмысленно: пальцы жёстко сомкнулись на его ладони, сдавив кости так, что стало больно.

— Больно.

Глаза у него тут же покраснели.

Покраснела и рука, которую так крепко стиснули.

Дело было не в том, что Цзян Тан неженка. Просто это тело и правда было слишком хрупким. Пока Фу Линцзюнь ему потакал, всё было нормально, но стоило сжать руку с такой силой — и больно стало всерьёз.

Фу Линцзюнь не отпустил.

Он лишь немного ослабил хватку, но всё так же надёжно держал ладонь этого маленького ускользающего вьюна и недовольно спросил:

— Что это значит?

Цзян Тан моргнул.

Что значит «что это значит»? Какая-то бессвязная фраза. И как на это вообще отвечать?

Неужели он опять чем-то сегодня провинился?

Не имея ни малейшего понятия, в чём его вина, маленький пёсик решил на всякий случай сначала извиниться, а уже потом разбираться. Он ещё раз дернул руку — бесполезно — и жалобно пробормотал:

— Прости.

— За что именно?

Ну вот, уже извинился — так чего ещё копать дальше?

Цзян Тан изо всех сил запустил внутренний мозговой штурм:

— Я... больше не буду тебя... утруждать.

Из всего, что можно было придумать, сильнее всего перед великим боссом он чувствовал вину именно за то, что всё время виснет у него на шее.

Вокруг, несмотря на шумный ночной рынок, торговцы кричали со всех сторон: кто-то продавал засахаренные фрукты, румяна, фонари и украшения; кто-то — духовные лекарства, артефакты, внутренние ядра демонических зверей, когти и чешую; кто-то выкладывал бутылочки и баночки с неизвестно кем сваренными пилюлями. Но даже среди этого гула Цзян Тан отчётливо почувствовал перемену в голосе Фу Линцзюня.

Словно тончайшая снежная пыль с самой холодной вершины коснулась его лица.

— В чём же ты меня утруждаешь? — спросил он.

Цзян Тан был уже на грани того, чтобы сойти с ума от этих вопросов. Что значит «в чём»? Неужели ему теперь надо самому подробно перечислить все свои проступки и каждый пункт того, как он тянет великого босса назад? Но этого было так много, что он и перечислить-то всё не сумел бы.

— Ну... не стоило... тогда, на утёсе Жисы, превращаться в человека. И ещё... мешался под ногами.

Он начал хотя бы с последнего и осторожно взглянул на лицо Фу Линцзюня.

Отлично. Всё та же ледяная глыба, и таять явно не собирается.

— И ещё... — Цзян Тан уже хотел продолжить список, но Фу Линцзюнь его перебил.

— Значит, то, что ты сделал со мной в тот день, тоже больше не хочешь вспоминать?

На утёсе Жисы лил проливной дождь. Золотисто-алое пламя феникса кружило по тесной пещере, а обратившийся в человека юноша прижимался к нему и обнимал его.

Фу Линцзюнь понимал, насколько это было интимно. Но, похоже, для другой стороны всё это совсем ничего не значило.

Цзян Тан легонько прикусил губу и, всё ещё сжимая пальцами рукав, спросил:

— А я... что-то сделал?

Он ужасно боялся, что, сонный и ничего не соображающий, успел натворить какой-нибудь глупости, и тут же поспешно начал оправдываться:

— Я... не помню.

По совести говоря, не станет же Фу Линцзюнь всерьёз предъявлять счёт собаке, которая была не в себе от сна? Что он вообще мог сделать? Хотя... неужели во сне попытался полапать великого босса и был пойман с поличным?

Только бы не оказалось, что это ещё позорнее, чем можно представить!

Примечание автора:

Нет, это даже позорнее.

Фу Линцзюнь: копит силы (□□□)

<http://bllate.org/book/17032/1644405>